

Иллона Александрова

**КОГДА ВРЕМЯ
СТАНОВИТСЯ
ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ**

Иллона Александрова

**Когда время становится
отрицательным**

«Издательские решения»

Александрова И.

Когда время становится отрицательным / И. Александрова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839756-1

Когда время становится отрицательным... всегда начинается другая жизнь.
Начинается что-то не менее важное, чем было до, во время, после...

ISBN 978-5-44-839756-1

© Александрова И.
© Издательские решения

Когда время становится отрицательным

Иллона Александрова

© Иллона Александрова, 2017

ISBN 978-5-4483-9756-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все началось так давно, что я боюсь упустить некоторые детали, боюсь, что по прошествии стольких лет они стерлись из памяти или были заменены фантазиями. Кто теперь скажет, было ли это на самом деле, произошло со мной или нет. Впрочем, какая разница, не так важна подлинность событий или их очередность, главное что, что-то происходило, а было ли это случайностью или закономерностью, это уж как вам угодно. И так все началось еще до моего рождения в 1969 году, а может еще раньше. Я выбрала точкой отсчета именно этот год потому что, кроме того, что моя мама закончила в этом году институт, я больше о нем ничего не знаю. А училась она в ЛПМИ, в Ленинградском Педиатрическом Медицинском институте, куда через 20 лет буду поступать и я. Ну, об этом потом, а пока текла обычная студенческая жизнь конца 60х годов, со своими радостями и огорчениями: с проваленными зачетами, не выходом на сессию, пересдачами, летними стройотрядами, песнями, танцами и рок-н-роллом. Все было хорошо – все были молоды, счастливы, талантливы. Перед молодыми врачами открывалась новая, неизведанная, самостоятельная жизнь. Была весна, все были влюблены и даже не слишком волновались о предстоящих государственных экзаменах...

Они были красивыми, веселыми девчонками, одной было чуть за двадцать, другой осенью исполнялось тридцать, но это было время отсутствия конкретного возраста – это время называлось «молодость». И эта молодость бурлила, выплескивалась через край. Это потрясающее ощущение полета, не омраченного ни какими сомнениями, ни какими бедами.

Они учились вместе, может быть, сталкивались на лекциях, может, перекинулись парой фраз, а может и нет, но они знали друг друга – у них была одна общая хорошая знакомая, даже подруга. Кому из них она была ближе, сложно сказать, с одной она училась в одной группе, с другой жила в одной комнате в общежитии. Но в какой-то момент она послужила причиной странного чувства, они обе испытали что-то вроде укола ревности и рождения взаимной неприязни. Все произошло столь мимолетно, что, возможно, они и не поняли, что случилось. Неприязнь родилась, жила мгновение, а потом умерла, но не бесследно – залегла где-то в глубине душ. Ни кто не подозревал, что это может передаваться по наследству, вместе с генетическим кодом. Они не успели выяснить отношения, не поссориться, не помириться, просто что-то осталось в душах, а душа – вещь не материальная, и разве в эпоху материалистических идей, кто-то мог задумываться о таких мелочах, как душа. А души, ставшие отхожим местом, хранили в себе множество подобного хлама. И вдруг, путем каких-то фантастических метаморфоз этот накопившийся душевный сор стал вполне материальным, просочился в каждую клеточку организма, и как червь-паразит стал ждать своего часа. А ждать оставалось недолго. Всего три года. Хотя возможно уже тогда в шестьдесят девятом, я получила информацию о какой-то незавершенности в данной ситуации. И он тоже получил, почувствовал те же импульсы. Но, что мы могли сделать на стадии еще не созревших яйцеклеток. Смешно, но именно в таком виде произошло наше первое знакомство. И не долго оставалось «маткам плакать кровавыми слезами о не состоявшейся беременности» – я впервые увидела свет жарким летом 1972 года, он чуть позже – в октябре. Но произошло это в разных городах – между нами лежало 500 километров железной дороги. Мы росли, не зная, друг о друге; возможно перелистывая мамин выпускной

альбом, я видела фотографию его родителей, но не обращала особого внимания. Но судьба неумолимо вела нас к встрече.

Каждый из нас шел к ней своим путем. Дети артистов, в большинстве своем становятся артистами, надышавшись, с детства, запахом кулис, они просто не могут принять другую атмосферу и им приходится всю жизнь тащить на себе груз династии. Так и дети медиков, которые, с малолетства, варятся в одном котле с родителями – взваливают на плечи тяжесть гуманной профессии. Я уже в 7 лет решила стать детским врачом. Хотелось еще актрисой или милиционером, но это скорей была шутка или видимость наличия выбора. А на самом деле путь был один – все тот же педиатрический институт. Я помню запах свежей зелени весной 1989 года, когда я пришла на день открытых дверей в ЛПМИ. И к этому запаху примешивался другой, идущий, прямо от серых, влажных стен на улице Александра Матросова, запах разложения, запах морга, запах формалина – запах «анатомички».

Я всегда с трепетом проходила мимо этих стен, я знала, что на долгих шесть лет этот запах станет мне родным. Но я не поступила, получив четверки по химии и сочинению, я села на биологию. Тогда я поняла, что поступить в институт – это также как сыграть в лотерею, раз мне не повезло, значит, так тому и быть, поступлю на следующий год. А дальше был год работы диспетчером «Квартирной помощи» в детской поликлинике, первая влюбленность во взрослого мужчину, первый настоящий поцелуй, который показался мне отвратительным. Мне казалось, что меня насилуют, мне было 17, и я была впечатлительной. Это был всего лишь поцелуй, и когда чувство тошноты прошло, я стала прислушиваться к себе и начала смаковать мои ощущения, может, тогда и возникла фраза: «Что – естественно, то не безобразно». И вообще, я считала, что врач не должен быть брезгливым, так как в силу своей профессии, мне придется часто иметь дело с человеческими нечистотами. Болезнь – вещь не привлекательная, от нее часто пахнет потом, гноем, испражнениями. Что же делать, человечество не столь совершенно, и волей не волей, приходится задействовать на всю катушку свои 5 чувств. Но, моя история в основном посвящена шестому чувству, и в начале 1990 года я впервые узнала каков его настоящий цвет, запах и вкус; какова она на ощупь эта пресловутая, первая любовь.

Он был очень славным мальчиком, и от его поцелуев меня никогда не тошнило, но я хотела большего – мне надо было стремиться к воплощению мечты, я очень хотела стать врачом, мне нужно было готовиться в институт. А он мне мешал: он забирал все мое свободное время, я не могла не о чем думать, я не могла без него даже дышать, я чувствовала, что деградирую, мне нужно было срочно менять свою жизнь. Мне как воздух нужен был институт. И летом 1990 года, уставшая, от нудной работы, от всепожирающей любви, от родительских назиданий – я поступила в ЛПМИ. И камень с души упал. Я как чувствовала, что здесь меня ждет другая жизнь, иной уровень отношений.

30 августа 1990 года на общем собрании курса я стала старостой 122 группы, мужской группы в женском институте. Так началась моя студенческая жизнь. И первого сентября я еще не знала, что один из одиннадцати мальчишек, разобьет вдребезги мое сердце. Ну, это после, а сейчас нас ждали необъятные поля Родины, а точнее четырехсот метровые морковные грядки в совхозе «Кузьмоловский» в поселке Бугры.

Начало сентября: проливные дожди; набухшие, неподъемные ватники; размокшие, в хлам, кроссовки, и прекрасное настроение. Свобода! Вкус свободы! Свобода дурманит голову, пьянит даже без вина, так как все спиртное по местным кузьмоловским талонам. Я наслаждалась, но не долго, вечером второго дня нашего пребывания в колхозе меня просто увезли в город. Приехал «моя первая любовь» и увез, и потом я каждый вечер моталась в Питер, а утром возвращалась обратно в Кузьмолово. Именно тогда в колхозе, я почувствовала, что что-то происходит, и ни как не могла понять что именно. Я, стоя по колено во влажной земле, и весело хрустя очередной морковкой, беззаботным взглядом, осматривала близлежащие борозды, где, не разгибая спин, трудились мои одноклассники. И вдруг, он выпрямился,

задорно посмотрел на меня, просто посмотрел и отвернулся. Я продолжала чавкать морковкой, мне кажется, я даже помню, как челюсти стали двигаться медленно, как в заторможенном сне. Мир стал стираться, закручиваться в спираль, на какое-то мгновение все исчезло. Только я и он – больше ничего не существовало. А, может все было, не так, это я выпрямилась над грядкой, увидела его, меня качнуло. Но, это не было как от удара электрическим током, я просто увидела человека, и поняла, что он мне нравится. А в следующее мгновение, я, испугавшись, отвернулась.

Я и теперь часто думаю, чего я тогда испугалась, что я увидела в нем. Я помню, он был похож на пирата: какая-то серенькая курточка с дебильным, по-моему, зеленым, значком (хотя на старых фотографиях значок оказался белым слоником); на голове платок, это теперь называется – бандана, платок скрывал его, чуть длинные волосы. Тогда это было модным, носить чуть длинные волосы на затылке. Боже, как я потом любила, перебирать пальцами, гладить эти мягкие, послушные пряди.

Так чего я испугалась – думаю, что неизбежности, неотвратимости. Мы, как два электроваза, на бешеной скорости, уже летели на встречу, друг другу и, к сожалению, столкновение было неизбежным. Я уже осязала беду. Но судьба есть – судьба. Нет, я еще не любила, я искала, искала любовь. Мое сердце хотело заплыть огнем, таким жарким, таким невыносимо горячим, способным растопить любой лед. Так вот, я выбирала, и мой выбор был сделан в то мгновение, когда я увидела его на морковном поле.

Уже потом, много лет спустя, я все думаю, но почему я выбрала именно его, ведь он был не самым красивым, возможно не самым умным, но он был единственным – от одного его взгляда меня бросало в дрожь. А еще я сразу почувствовала неприязнь, неодобрение моего свободного, слишком раскрепощенного поведения. Он просто не знал, что я только что вырвалась из тюрьмы и была опьяневшей до одури. Мне было не важно, кто как подумает обо мне, я хотела дышать полной грудью, и ни кому не позволила бы перекрыть мне кислород. Да, и может, я меньше всего задумывалась о возможности полюбить кого-то, меня больше устраивал легкий, веселый флирт, ведь на ту пору у меня уже была «настоящая любовь». И самое смешное, что она действительно была настоящей, и агонизировать эта любовь будет еще долгих четыре года. И агония эта будет страшной. Да, все в моей жизни настоящее, еще в школе один мальчишка сказал: – «Не возможно понять, когда ты играешь, а когда нет. Иногда мне кажется, что вся твоя жизнь это – только игра, а иногда наоборот, что все играют, а ты живешь». Да, все правильно, все в моей жизни настоящее, просто я создала для себя множество параллельных миров, которые чудесным образом переплетаются между собой. И в каждом из них я иная. Мне нужна была какая-то удобная теория, которая не ограничивала проявлений моих фантазий. Реализовать себя я могла только раздвоившись. Я много раз спрашивала себя, а не шизофрения ли это, нет, это просто игра. Просто пограничное состояние, ведь грань между гениальностью и помешательством очень тонка.

В сущности, я считала себя гениальной, в одном из крайних проявлений своей личности, и одновременно другая моя крайность была обычным, заурядным человеком. Мне было очень удобно быть одновременно двумя, абсолютно разными людьми, я даже дневники вела в виде диалога, обращаясь, сама к себе. И основная масса моих знакомых видели чаще какую-нибудь одну ипостась, только близкие друзья знали, что я могу быть совершенно противоположной. Но, не дай бог, кому-нибудь увидеть сам момент перевоплощения – кажется, в физике этот процесс носит название сублимации, то есть это моментальный переход из твердого состояния в газообразное, минуя жидкое, так ли называется обратный процесс или нет, это не столь важно. Просто, человек слаонервный, вряд ли выдержит столь ужасное зрелище, когда еще секунду назад рядом с ним была милая, мягкая и послушная кошечка, а в следующее мгновение это разъяренная львица, не гнушающаяся принять человеческую жертву. Только что я была легка и тепла, как пар и вдруг, я стала твердой, как лед – вот такая смена агрегатного

состояния. Один бедный мальчик наблюдал эту картину, просто попал под горячую руку, но то, что он увидел, повергло его в дикий ужас. Слезы катились из больших, детских глаз, но вызывали отнюдь не сочувствие, а негодование, я все больше расплылась. Как он может при мне распускать сопли, а еще мужчина! И мне было наплевать на то, что он пережил шок. У него в голове не укладывалось, как любимый и родной человек может в мгновение ока, превратиться в чужое, незнакомое, злобное существо. Лицо все такое же прелестное, но глаза горят не добрым, адским пламенем, а слова обжигают, режут жизнь на мелкие кусочки, выворачивают душу, разламывают сердце... Так, меня, кажется, занесло, поверьте, я весьма самокритична, но не столь кровожадна. Я никогда не оставляла, разбитые мной, сердца на произвол судьбы, и уходила безвозвратно только тогда, когда убеждалась, что с отвергнутыми мной будет все в порядке. Никто не выбросится с 12 этажа, не отравится, не порежет себе вены, все будут здоровы и счастливы, но только без меня.

Порой, в порыве человеколюбия, мне иногда бывало жаль, что я в действительности только одна, что, даже раздвоив душу, нельзя раздвоить тело, чтобы всем желающим досталось по такой персональной копии. Нет, нельзя всех сделать счастливыми. И моя главная ошибка состоит в попытке сделать именно это, осчастливить человечество. Но сделать человечество счастливым, это равносильно тому, что погубить его. Представляете, масса таких безмозглых, веселых идиотов и все счастливы, постоянно счастливы. Нет, счастье – это путь регресса. Все более менее великое на земле, не говоря уже, о величайшем, создавалось несчастными людьми. И чем глубже было горе человеческое, тем усерднее работала творческая мысль. Только, создав что-то значительное, этот обездоленный малый, чувствовал себя воистину человеком и в этот краткий момент он был счастлив.

Да, пусть творчество является только суррогатной заменой обыкновенной земной любви, но что же делать, когда нет другого выхода. Чтобы не выть на луну, умываясь горячими слезами, я как неистовая, писала стихи. Стихосложение – это был выход, и к тому же какая ни какая, а самореализация. Женщина должна как-то само выражаться, если ей не везет в любви.

Правда, грех мне приbedняться, уж чего – чего, а любви вокруг меня было море разливанное. Хочешь, так плавай, хочешь, акваланг захвати! Но мне мало было просто обожания, я сама хотела трепетать от чих-то прикосновений. Я, с детства, утверждала, что создана для любви. Что ум, красота, талант, внутренний огонь и потрясающая жизнестойкость, данные мне – это только пути достижения «нирваны». «Все, что нам нужно – это только любовь» – слова популярной песенки практически могли стать моим гимном, по крайней мере, они конкретно указывали направление действия. И я была готова «потерять невинность в боях за любовь». Ну, держись, мой принц с морковного поля! И так еще раз начнем с самого начала, чтобы не упустить, возможно, важных мелочей. Да и пора представиться, а то до этого момента мое повествование было каким-то безличностным. Ни одного имени. Ох, как же вас назвать мои герои, а оставлю я вам ваши, родные имена. Ужасно не люблю, когда в конце фильма или романа, основанных на реальных событиях, пишется, что имена героев изменены. Мы – смелые люди, нам нечего скрывать и не кого бояться, даже если эта книга увидит свет. Ну, держитесь ребята, я вас всех очень люблю, но автобиографическое произведение подразумевает минимальный объем вымысла, а все остальное перестирка грязного белья.

Начинаю... Я все же не очень хорошо помню 1 сентября 1990 года, и были еще некоторые события предшествующие дню рождения нашей группы. Например, с Маринкой мы познакомились еще годом раньше, когда с первого раза обе не поступили. И в этом году мы часто встречались на территории института во время сдачи вступительных экзаменов, интересовались успехами друг друга, и разбегались.

Номер моего экзаменационного листа был – 42, парень, часто оказывающийся передо мной, в очередях за оценками, имел номер – 43, я его так и назвала «сорок третий номер». Мы внимательно разглядывали друг друга, стоя в очереди – надо просто было как-то убивать

время. О том, что мы попадем с Зуриком в одну группу, выяснится только через месяц, после аграрных работ.

Мне теперь, кажется иногда, что свою группу я собрала сама. В конце августа, уже ощутившие себя студентами первого курса, мы пришли распределяться по группам. Распределение происходило в зависимости от, ранее изучавшегося в школе, языка. Мы были англоязычны по мере возможности. Чтобы не создавать толпу, зачисление велось в определенное время, например будущие студенты, фамилии, которых начинались на «К, Л, М, Н» приходят с 10.00. до 12.00. Мы с Маринкой столкнулись у входа в 7 аудиторию. Тут же родилась идея попробовать попасть в одну группу. Воодушевленные, этой мыслью мы весело болтали, как вдруг практически одновременно обратили внимание на парня, стоящего перед нами. Он был необычайно волосат, при том волосы были не первой свежести. Рядом с ним на лестнице пристыл к очень симпатичный мальчик, небольшого роста, но ужасно обаятельный. Я почувствовала жгучие желание, чтобы он попал в нашу группу, а мои желания в большинстве своем исполняются. И еще я загадала, что если мы будем вместе учиться, то станем большими друзьями. Так и вышло. Но пока, еще все это было только игрой воображения. Но Мишка был реальным, а мое желание сильным. И оно сбылось.

После страстных уговоров, нас с Маринкой записали вместе, моя фамилия шла первой после одиннадцати парней. Преподаватель, который нас записывал, пошутил, что нам повезло попасть в мужскую группу. Да, парни всегда были дефицитом, особенно в женском институте. Кстати, наличие преобладания сильного пола станет особым предметом моей гордости. Ну, а с остальными моими одноклассниками мы познакомились на следующий день, 30 августа. Мы с Маринкой сидели вместе и спорили, кто же из нас станет старостой.

Хотя, я уже знала кто. На должность старосты выбирали девчонок, ленинградок, при том первых по списку в группе – моя фамилия была первой. Я стала старостой, не сменяемой за все 6 лет. Я выскочила на сцену, как ошпаренная. На мне были белые брючки и кожаная, черная куртка – многие и запомнят меня такой. Мне всучили какие-то справки, и я кинулась обратно, через зал. Девчонка, сидевшая рядом со сценой, протянула ко мне руки. Я притормозила. Девочка мне понравилась: очень приятенькая, с шапкой роскошных, черных, как смоль, выющихся «мелким бесом», волос. Так я впервые увидела Ольгу Кубланову, ставшую мне верной подругой на долгие годы. «Кублашка», как я буду потом ее ласково называть, разделит со мной самые радостные и самые трагические моменты моей жизни, она будет оберегать меня, как мать родная, заботиться, практически нянчить и одновременно участвовать во всех моих безумных затеях.

Потом меня еще кто-то остановил, кажется, Юрка и еще кто-то, теперь уже и не помню. Было слишком много эмоций, уровень адреналина зашкаливал, я просто летала. Мне срочно надо было слить, распирающие меня чувства, иначе дело могло, кончиться психозом. Шучу, конечно. Я просто была счастлива, но для полного счастья чего-то не хватало. Чтобы умножить эмоции, в данном случае их надо разделить, парадоксально с математической точки зрения, но факт. И я пошла делиться, пошла в гости к моей самой старинной подружке Катке Шестаковой, с которой мы дружили с двух лет от роду. Мы о чем-то долго болтали, она рассказала: что, будучи на практике от своего Горного института, познакомилась с каким-то старшекурсником, совершенно непростым, как скала. Я посмеялась и на спор, решила раскрутить его за один день. Любила я такие штучки. Катя была не довольна, но телефон все же дала. Мы договорились о свидании в семь вечера на станции метро «Проспект Просвещения». Я выиграла спор без проблем, к одиннадцати вечера Витька уже объяснялся мне в любви. Мокрый «Просвет» плыл перед глазами, фонари купались в лужах. Было как-то необычно приятно сидеть на крыльце какого-то магазина, прячась от дождя под его крышей.

Перед этим мы долго гуляли, я выливалась на голову несчастного парня потоки пламенных речей. Соблазняла, особо не стараясь соблазнить. Почему-то, именно, когда я не очень стара-

юсь, то стопроцентно добиваюсь успеха. Я получила признание в любви, и с этого момента мальчик мне стал не особо интересен, как отработанный материал. Он проводил меня домой. Завтра меня ждала новая жизнь – первый институтский зачет по физкультуре. Мне уже не было дела, до влюбленного мальчишки, оставшегося там, где-то посреди «Просвета», обильно поливаемого дождем. Он шел, в лужах также кувыркались фонари, он был счастлив, он еще не знал, что на протяжении последующих трех лет его душа будет корчиться в адских муках первой, неразделенной любви...

Пришло утро 31 августа 1990 года, мы собрались на проспекте Морриса Тореза, в третьей «общаге» нашего института. Я вошла в огромный зал, огляделась, надо было узнать, что делать дальше. Ко мне подбежал тот самый симпатичный паренек, которого я видела на лестнице перед 7 аудиторией. Он спросил: – «Где 122 группа?»

– «Отлично, вот стой здесь и кричи, что мы 122-я!» – я, по-моему, сказала именно так и, забрав с собой Маринку, пошла на второй этаж, где располагались залы поменьше, там нас уже ждали «Кублашка» и Ольга Друженкова. Потом мы пошли бегать на улицу; пробежали стометровку и разошлись. Как поется в одной песне: «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано», домой явно было рано, и я снова пошла в гости. Рядом жила моя подружка по Белоострову, где мы когда-то снимали дачу, мы не виделись уже 5 лет, но это вряд ли могло помешать моим планам. Тогда я не считала зазорным ходить в гости без приглашения, и была уверена, что мне везде будут рады. Ленки дома не оказалось, мне открыла дверь ее бабушка Екатерина Николаевна; я прошла в дом и стала ждать Лену. У них была большая псина, эрдельтерьер, она полезла со мной обниматься, а я терпеть не могу собак. Екатерина Николаевна стала оттаскивать собаку от меня, а та взяла и цапнула ее за руку. Кожа сошла, как чулок. Я кое-как перевязала бабушку, и позвонила Ленке. Она где-то отмечала свое поступление в университет. Она даже не успела удивиться тому, откуда я взялась, услышав, что произошло, полетела к нам. Остаток дня мы провели в травмпункте. Когда бабушка была спасена, мы привезли ее обратно на каком-то сумасшедшем, безумно скоростном «Запорожце». А потом Ленка провожала меня домой. Мы шли через Сосновку, вспоминали детство, мечтали о будущем, за одно выгуливая эту «милую собачку», которая чуть не съела свою хозяйку. Мы расстались с Леной и уже больше никогда не встречались. Я думаю, что ни она, ни я об этом нисколько не сожалели. Завтра был новый день, первый день осени 90 года.

День, возможно, разделивший мое существование на «до» и «после», или просто рождался еще один новый параллельный мир. Мир, в котором, я буду самой счастливой и самой несчастной. Мне оставалось только войти, сделать шаг, а потом все жизнь искать выход. Утром 1 сентября мы все собрались на главной аллее. Мы очень быстро нашли друг друга, вяло поздоровались, и стали ждать. Я на минутку отошла, встретить маму, а в это время ребята сфотографировались без меня и успели представиться друг другу. Потом на ходу девчонки на перебой рассказывали мне, что вон того красавчика зовут Гриша Алексеев. Да, он действительно сразу приковывал всеобщее внимание: слишком правильные черты лица, умение себя подать. Он был похож скорее на молодого офицера белой гвардии, чем на советского студента. Я не могу сказать, что от него исходило пренебрежение, просто веяло холодом. Мне, почему-то показалось, что флирт с ним может быть занятным. Ольге Друженковой понравился Мишка Пиневский. Она была чуть старше нас, и он ей был ближе по возрасту. Смешно, но тогда, в 18 лет, разница в возрасте в 1 год казалась мне катастрофической, и как видно не только мне. Я помню, когда мы с Маринкой, заглянули в документы Мишки Майзельса в момент распределения по группам и, узнав, что он родился в 1973, мы дружно сказали: – "Фу, какой маленький!" И еще девчонки называли имя „Палыч“, вернее даже не имя, а прозвище, производное от фамилии. Я спросила: „А зовут то его как?“ – „Палыч, и все!“ – был ответ. Странно подумала я, что можно вот так спокойно, представиться кличкой. Ну, что ж это его проблемы. Палыч, так Палыч...

Нас пригнали в актовЫй зал ДК им. Карла Маркса, поздравили с поступлением, вручили студенческие билеты, и сказали, что в этом зале мы теперь встретимся через 6 лет, конечно с теми, кто «доживет» до этого светлого часа. Кстати, по пути мне сообщили, что трое наших товарищей уже «парятся» в колхозе. Посмотрев на фотографии в студенческих, мы ужаснулись, ну и лица – просто парад монстров!

Да, и меня опять лишили возможности познакомиться с ребятами поближе, старост посади отдельно, рядом со сценой, а моя группа торчала на галерке. Пока я разбиралась со своими должностными обязанностями, все уже разбежалось. И встретились мы уже только в колхозе.

Наши мальчишки, почему-то решили, что с нами они еще успеют пообщаться и клеились к другим девчонкам. Нас это задело, но что поделаешь – момент раскола был близок, еще и не узнав друг друга, не попытавшись объединиться, мы уже разбились на два лагеря. Наш малочисленный отряд состоял из Ольги Кублановой, Ольги Друженковой и меня. Маринка заболела и в колхоз с нами не поехала. Парней было больше, они вели себя как старые, хорошие знакомые. Когда мы приехали в лагерь и стали устраиваться, выяснилось, что не хватает посадочных мест и именно нашим мальчишкам. Мы сидели на зеленых скамейках перед лагерными бараками, и ждали решения начальства, играя в карты.

Одну скамейку занимал Алексей Мостовой, он лежал, курил, не принимая участия в игре, и кажется, был поглощен своими мыслями. Я, Ольги и Гришка сидели вместе. На другой скамье, наваливаясь, друг на дружку примостились Мишка Майзельс, Палыч и Юрка Донченко. Рядом вертелся Женька Белжеларский. Где были все остальные – это вопрос. Те трое, с подготовительного отделения, которые приехали раньше нас, наверное, занимались своей работой. Пиневский, как избранный староста бригады, пошел разбираться в ситуации. Мы выдвинули Пиню, так как хотелось везде иметь своих людей и это действительно пригодилося.

А теперь вернемся к картам. Я всегда подозревала, что азартные игры к добру не приведут. Игра, была в самом разгаре, когда я сказала Гришке: – «Выиграешь – поцелую!» И, он выиграл, мы поцеловались. На лице Мостового не отразилось ни каких эмоций. К парням я сидела спиной, и вдруг почувствовала, как чьи-то жгучие глаза впиваются мне в спину. Меня передернуло, мурашки холодные и мерзкие забегали под рубашкой. Кто так смотрел на меня и почему? Мне показалось, что это был Палыч. Он презрительно скривил губы и его маленькие, черные, как угольки глазки сияли не добрым огнем. Я испугалась, кожей ощутила, что сделала оплошность, поцеловав Гришку. Потом будет слишком поздно оправдываться, что это только игра и, что именно так, примитивно, я понимаю свободу.

Я не понимала одного, зачем и перед кем я должна оправдываться. Да, и какое я совершила преступление? Неужели я кому-то начинала нравиться, и этот кто-то разочаровался? «Телячьи нежности»! Мне было не жарко, не холодно, оттого, что кто-то разочаровался во мне, просто было неприятное ощущение от тяжелого взгляда. Я думала, что это ощущение быстро пройдет – не прошло, оно преследовало меня почти весь месяц.

Парням, так и не нашлось места, они уехали в город. Остались, из вновь прибывших, только Мишка-бригадир и Юрка Донченко. Вечером мы пошли изучать местные достопримечательности. Гуляли впятером: Ольги, я, Юрка и Мишка Жученко, парнишка из 119 группы, который поселился вместе с Юркой в третьем бараке, в третьей комнате. Мы потом так и говорили: – " Пойдем к парням в «три-три». Мы лузгали семечки, катались по земле, Мишка пытался меня поцеловать. Видно свобода кружила голову не мне одной, но ощущение вины преследовало, почему-то только меня. А, в чем я виновата, в том, что была молода, красива, легкомысленна, скорее просто жизнерадостна. Пыталась что-то успеть, пока не вернулась обратно в свою «тюрьму». Мысль, что можно вырваться на свободу окончательно и бесповоротно, тоже пугала меня. Я боялась одиночества. Меня любили, пусть это угнетало, но я боялась потерять эту любовь. Боялась, что если уйду, могу пожалеть, а вдруг меня больше никто

не будет любить так, как мой тюремщик, моя первая любовь – Сергей Климов. Любила я его тогда или нет, сложно сказать, просто привыкла к тому, что мы все время были вместе. Его друзья стали моими друзьями. Его старшую сестру Ирку и ее сына Женьку я любила, как родных. Женечку практически нянчила с пеленок, называла его своим племянником. И, малыш отвечал мне такой же нежной любовью. Как я могла так легко отказаться от всего этого. Я уже проросла корнями, и оборвать, начать новую жизнь казалось безумием. Сережка действительно сильно любил меня, но смертельно ревновал, хотя поводов к этому было предостаточно. Я, ощущая себя заложницей, все время пыталась вырваться на волю, вернее я все время, как бы мстила за себя. А, месть – это постоянный флирт, дающий мнимое ощущение свободы. Даже, если я и любила Сергея, то свободу я любила больше него. И, вообще я считала, что первая любовь, по определению, должна быть несчастливой. «Таков закон джунглей!» Если в 17 лет я готова была выйти за него замуж, то после поняла, что мне это вовсе не нужно. Он упустил момент, и я этого ему не простила.

Но, вернемся к тому дню, когда начали существовать два параллельных мира, в одном из которых я была «любимой девушкой Сергея Климова», а в другом – старостой 122 группы.

Вечером 4 сентября была дискотека. Мы стояли в стороне, разглядывая народ. Одна девица была так вульгарно накрашена, что подходила под определение «Панки в городе – спасайся, кто может». Я поймала себя на мысли, что смотрю на нее так же, как несколькими часами раньше кто-то из парней смотрел на меня, когда я целовалась с Гришкой. Откуда эта неприязнь и осуждение? Какое я имела право осуждать совсем незнакомого мне человека, только за то, что она хотела выделиться из толпы. Пусть она потратила на это тонну косметики, ну, так своей косметики. А, вероятно, это была просто ревность к чужому успеху, что кто-то может себе позволить так раскрепоститься, а я не могу. Да, тогда я, пожалуй, не осилила бы такое, моя репутация и так была в конец испорчена. А, кстати та девчонка, на самом деле оказалась очень скромным и милым человеком, просто она тоже, по-своему, дорвалась до свободы, и ее эмоции лежали краской на лице. Танцевать не хотелось, мы пошли спать с предчувствием первого трудового дня. Утром приехали наши мальчишки, я ждала, пока они переоденутся, и мы пошли догонять остальных.

Уныние царило в народных массах, когда мы лицезрели, что нам предстояло. Морковные поля протянулись до горизонта, необозримые, как сама жизнь. Вкалывать до шести вечера – перспектива малоприятная. Мы выбрали с Кублашкой последнюю грядку, но уже через полчаса ударной работы, страшно захотелось сделать перерыв. Мы пошли в соседний лесочек, разложили ватники на сухой опушке, легли. Между нами рос одинокий шампиньон. Вооруженные до зубов ножами типа «мини-мачето», через секунду мы оставили от бедного гриба лишь его трафарет. Довольные своей ювелирной работой, убаюканные легким ветерком, мы не заметили, как заснули.

Пробуждение было резким, как по чьей-то команде. Мы вскочили на ноги. На часах было полшестого. Мы бросились к своей грядке – она была девственно нетронутой. А, наши сокурсники уже пропахали метров четыреста. Над полем пронеслась команда – помогать отстающим. Мы с Ольгой, с легким сердцем бросились на помощь и уже минут через 15 шли по дороге в лагерь. Примерно так мы работали весь месяц. Мы с Кублашкой сразу вспомнили поговорку, что «Дураков работа любит», мы не были дураками. Да, и что напрягаться зря, нам ни к чему было обещанное, за ударный труд, место в общежитии. Главное было добросовестно создавать видимость работы. Пришлось начать часто курить, ибо перекур – это святое. Помню, у Кублашки была трофейная пачка «ВТ», мы ее приговорили за милую душу. И так основным принципом нашего колхозного труда было: «Где бы работать – лишь бы не работать!» Зато поорать во все горло песни «Секрета», поприкалываться над народом и кататься от смеха по земле – это мы были мастера.

Мне пришлось нелегко, когда Ольга неделю болела, и подъедалась на кухне, а мне дали другого напарника. Один раз это был Мишка Майзельс – он много болтал, за то работал за двоих, я еле успевала проходить один ряд морковки, в то время как он делал два. А когда мне досталась татарка Алсу, плотная, грубоватая девица, мне было плохо, пришлось пахать.

Но она, все равно, была недовольна моей медлительностью. Потом Кублашка вернулась ко мне, и все потекло по-старому. Не так уж много запомнилось из колхозной жизни, несколько мелочей. Помню, морковные баталии, в которых почему-то Женька Белжеларский, он же «Джуз», все время получал по голове и при этом глупо улыбался. Вот так и становятся мальчишками для битья. Я привозила каждое утро из города еду, и все привезенное моментально уничтожалось, перевариваясь, в вечно голодных, молодых желудках.

Однажды я решила остаться ночевать в лагере, именно тогда, когда большинство уехали в город, отмечать еврейский Новый Год. Это было 19 сентября. Мы сидели у Юрки в комнате, в «три-три», дурачились, прикалывались над Яриком Ермолаевым из 121 группы. Тут я сказала, что нам пора, уже поздно, надо чистить зубы и спать. Парни не хотели нас отпустить, но мое решение было непреклонным. Тем более я только второй раз ночевала в лагере и не знала ночных порядков, а девчонки успели напугать меня обходом декана и злобными местными, которых я так никогда и не видела. Но по лагерю ходили слухи, что наши пацаны уже успели помериться с ними силой. И, как всегда в таких случаях, победила, естественно – дружба. Удобства: а именно туалет – в три дырки, плюс дрын, привязанный к стене, по словам декана, необходимый для отпугиванья волков; а также умывальник – все это располагалось на другом конце лагеря. Нужно, видимо быть спринтером, чтоб при нужде, успеть добежать. А, впрочем, не успевших не было. Мы шли от умывальника к своему второму бараку, как вдруг краем глаза я замечаю за спиной какое-то движение. «Местные, хана!» – единственное, что пришло мне в голову. С дикими воплями, я бросаюсь наутек, девчонки, визжа, обгоняют меня и в мгновение ока оказываются на крыльце барака. Ватники, распростертые над нашими головами, не достигнув своей цели, практически бесшумно падают на дорожку. Я поворачиваю голову, сквозь темноту мне кажется, что я вижу, две фигуры, застывшие в озадаченных позах. Не ожидали они такой реакции. Скорее всего, это были Юрка Донченко и Ермолаев, но убеждаться так ли это из девчонок ни кто не стал. Приближалось время обхода, мы пошли в барак. Моя кровать была на втором ярусе – я всегда обожала возвышенное положение. Лечь спать сразу естественно ни кому не удалось, и только страшный стук в дверь оборвал гомон девичьих голосов, ворковавших на двадцать различных ладов. Крючок, болтавшийся на соплях, но все-таки временно защищавший нас от натиска, разъяренного, как тигр декана, готов был в любой момент сдать. Ольги быстро забрались в кровати, до ушей натянули одеяла и притихли. Но мне предстояло форсировать второй ярус. На окнах мирно висели газеты, прикрывающие комнаты в женском бараке от внимательных взглядов извне. Я поднялась по ним. Девчонки, давились от смеха, наблюдая, как я карабкаюсь вверх по газетам. Но им не дали вволю посмеяться – в комнату ворвался декан. Его встретила гробовая тишина. Несколько минут постояв в дверном проеме, декан ретировался. Тишина стала видоизменяться. Сначала отдельные слова, произнесенные шепотом, вспороли ей брюхо, потом гомон усилился, и уже разрезанная на кусочки, тишина отступила.

Было около двенадцати ночи, когда девчонки позвали меня к окну, взглянуть на ночную жизнь лагеря. Напротив наших окон было крыльцо другого женского барака. Юрка и Ярик Ермолаев, не торопясь, поднимались по ступенькам. «К бабам пошли» – сказала Ольга Друженкова и отвернулась от окна. Я смотрела, как зачарованная. Мне было очень обидно. Я почему-то считала, что мальчишки из моей группы должны принадлежать только нам. А эти ночные вылазки – просто предательство. Смешно, но всего час назад Юрка нас уговаривал остаться у него. И, если бы мы остались, то кто-то другой сейчас завидовал бы нам. Я даже не думала, что в лагере могут происходить сексуальные оргии, наподобие Содомы и Гоморры. Я была так

уверена, в чистоте и невинности мальчишек. Мы же еще были детьми и самое большое, что можно было позволить себе – поцелуи. Наивная! Я не была готова к такому исходу событий. Хотя в чем предательство?! Одни девчонки не захотели пообщаться, почему бы, не воспользоваться гостеприимством других. На крыльцо вышла староста 28 группы Ленка Орлова и ее подружка Маринка, они, вчетвером, постояли несколько минут о чем – то, оживленно, беседуя, а потом скрылись в глубине барака. На следующее утро я даже не вспомнила о ночном происшествии, но неприязнь к девчонкам из 28 группы отпечаталась где-то глубоко внутри.

Наши мальчишки практически перестали нас замечать, в основном общаясь с 28 группой, всем видом показывая, что мы упустили свой шанс познакомиться поближе. Мне казалась, что Юрка там, в кого-то влюбился. На здоровье, он меня ни сколько не интересовал, как представитель противоположного пола. Меня заботило другое – власть ускользала у меня из рук, ко мне потеряли интерес. Я бесилась. Я чувствовала, что начинается война, противостояние. Есть два враждебных лагеря, и есть те, кто будет держать нейтралетет. Стоило только определиться с методами ведения военных действий, но это право мелочи, когда назревает грандиозный конфликт. Мишка Майзельс и Лешка Мостовой пока не проявляли по отношению к нам особой агрессии. Мостовой вообще откопал себе в напарники тихую, застенчивую девчужку и окучивал с ней морковку, не разгибая спины. Я не помню, когда я выделила Палыча, действительно вдруг подняла глаза и увидела. И, тогда я определила направление первого удара – я поспорила с Мостовым, что Палыч в меня влюбится. Если что-то сорвется, так это был только спор и все взятки гладки, а если получится то... Я первый раз в жизни не была уверена в победе, видно потому что очень хотела победить. Если бы я представляла, к чему приводят подобные детские игры и как они могут быть опасны. Но тогда я на все смотрела легко.

При том я тоже не упускала своего, преследуя цель познакомиться, как можно с большим количеством парней нашего курса. Каждый вечер после трудовой повинности, я уходила с поля, окруженная толпой поклонников. Климов, в очередной раз, приехавший в колхоз, наблюдая эту картину, был очень не доволен.

В один из последних дней, перед отъездом из Бугров, я набрала целый мешок морковки, его не возможно было просто поднять, не говоря о том, чтобы вынести с поля. Палыч с Юркой были так внимательны, что предложили свою помощь в транспортировке мешка до автобусной остановки. Хотя высказывался и альтернативный вариант вообще оставить меня в лагере. Вместе с мешком. Но я его наверно не одобрила. Наконец, они ушли с поля, а мы с Ольгой что-то замешкались, и когда через минуту вылезли на шоссе, ведущее в лагерь, то были неприятно поражены. Шоссе было пустынно. Никого, ни единой живой души, только у обочины красовался мой неподъемный мешочек. Я дала выход своему гневу, припомнив все слова из нецензурного лексикона. Как можно было бросить мою ценнейшую поклажу на произвол судьбы! Мои вопли еще долго разносились над пустой дорогой, пока, видно вдоволь насладившись моими познаниями в области «изящной литературы», наши мальчишки не высунулись из противоположного кювета. Поднатужившись, Палыч, взвалил мешок на плечи и доставил его к автобусу. Я уехала. В Девяткино, на платформе меня уже ждал другой носильщик. Скоро наша работа в колхозе благополучно завершилась...

В октябре началась учеба, мы с девчонками опоздали на первое же занятие по анатомии, парни посмотрели на нас презрительно. Меня ждал сюрприз – пресловутый «сорок третий номер» оказался у нас в группе. Его звали Зураб Рамазович Аблотия. Он меня тоже сразу узнал но, быстренько оценив ситуацию – принял сторону парней. Их успехи в освоении программы первого курса еще больше разделяли нас. Мы с девчонками, как не старались, хватали одни неуды. Я стала безбожно прогуливать институт, мне некогда было учиться. Иногда, бывало, соберусь, и вдруг звонит Серега и уговаривает сегодня не ходить на учебу, а банально – пойти в кино. Долго уговаривать меня не приходилось. Да, и к тому же мне нравилось набрать побольше хвостов, потом разом все отработать – и со свежими знаниями –

на экзамен. «Пятерка» вела себя сносно, или просто я слишком редко появлялась на занятиях, что не могла точно оценить «сносность» этого поведения.

Почему «Пятерка» – так наши мальчики сами себя назвали. Их было пятеро: Павлов Алексей Васильевич (он же Палыч), Юрка Донченко, Майзельс Михаил Юрьевич, Мостовой Алексей Валерьевич (он же Белый) и Зурик Аблотия. Нас было меньше: две Ольги, я и Маринка.

При том девочки не были так воинственно настроены, как я. Остальные ребята уже выросли из детского возраста и, просто отрешенно наблюдали за происходящим. Вообще наше время совместного пребывания в институте на тот период можно назвать «тревожной терпимостью». Вот еще чуть-чуть и кто-нибудь не выдержит. Но напряженность в отношениях, ни сколько не мешала нам с Кублашкой два раза в неделю, после занятий физкультурой ходить к парням, пить чай. В уютной обстановке комнат №85 или №89 все забывалось, казалось такой суетой. Мы резвились, как дети.

В четверг 6 декабря 1990 года по латыни я и Палыч получили «плюсы», а все остальные «минусы», потом после чая в 85 комнате мы поехали пересдавать биологию. В 21 троллейбусе, как обычно была давка. Белый, Ольга и Зур протиснулись вперед, мы с Палычем остались прижатými друг к другу на задней площадке. Я все пыталась заглянуть ему в глаза, а он упрямо отводил взгляд. Наша вынужденная близость меня странно веселила. Я попыталась его поцеловать. А он сказал, что с девушками, которые «ходят по рукам» он не целуется. Сказал так просто, как будто это были слова приветствия или пожелания долгих лет счастливой жизни. Мои щеки запылали. Пощечина, нанесенная невидимой рукой, обожгла детскую кожу. Что делать? Нанести ответный удар. Но только настоящий. Нет, руки были так прижаты к бокам, что не было ни какой возможности даже для их поднятия, не то, что для размаха перед ударом. Мысли лихорадочно скакали у меня в голове. «Я этого так не оставляю, я отомщу. Ты еще попрыгаешь у меня, как чертик на ниточке. Случай еще представится! Подожду!» Я сделала вид, что обиделась. По дороге в институт Зур первый раз стал объясняться мне в любви. При том, предлагая, чтобы я стала девушкой для его души, а для тела, мол, у него есть. Меня замутило. Я отвергла это «большое Советское», о, еще «грузинское чувство». На биологию я не пошла, слишком тяжела была обида нанесенная Палычем. Я шла обратно к метро и вспомнила, что еще в колхозе, говорила, что этот неприступный бастион при первой же атаке сложит оружие и сдастся на милость победителя. Не буду торопить события. Время ждет, его еще так много впереди. Остается только подождать удобного случая. Боже, как я ошибалась, как мало оставалось времени.

И вот, 10 декабря 1990 года в один из традиционных приходов к парням, произошло событие совершенно изменившее мою жизнь... Лешка Мостовой подхватил меня на руки, и потащил вверх по лестнице, на 4 этаж. Я не помню, куда в тот вечер подевалась Ольга, что я осталась одна с пятью парнями в 89 комнате. Зурик и Мишка, как обычно приставали ко мне, Юрка с Белым потешались, давая советы Зуру, как лучше найти «пептидильный центр», а Палыч сидел молча, как бы в стороне от нашей возни. Я случайно, в порыве борьбы заката Мишке Майзельсу пощечину. Он вспыхнул. Я испугалась еще больше него. Ни за что ударила человека. Мишка проглотил обиду. Но я, ожидая ответного выпада, решила спрятаться за Палыча, я вцепилась ему в свитер и опустила голову. Вдруг все, как по команде встали, собрались и поехали сдавать латынь, которую не сдали 6 декабря. Юрка, уходя, погасил свет, (это была его комната) и мы остались вдвоем, в полной темноте. Алешка сидел на кровати, я присела к нему на колени, мои руки запутались у него в волосах. Я почувствовала какое-то тепло. Мне стало так хорошо. Мы молчали, как будто боялись спугнуть ощущение. Потом стали целоваться. Я спросила:

– Я тебе нравлюсь?

– Да. А я тебе?

– Я тебя люблю! – произнеся это, я была еще не уверена, что говорю правду, я просто так легко бросалась словами. Мне было хорошо, я уже не помнила ни о каком споре, ни о какой жуткой мести, и вообще в ту минуту не существовало ничего, кроме нас и все, что мы говорили и делали – все было правдой, было по-настоящему. Мне хотелось остановить мгновение. В комнате вспыхнул яркий свет и вспугнул сказку. Как птицу...

Я была слишком избалована повышенным вниманием противоположного пола и всегда с невероятной скоростью добивалась своего. Я успевала только прикоснуться к мечте, а она уже сбывалась. Я и не подозревала, что на этот раз все будет иначе...

Мы встали и вышли из комнаты, он поехал меня провожать. Я еще не знала, что я чувствую, я только смутно догадывалась, что с ним будет, не так просто, как с остальными. Может, я уже тогда была не уверена в искренности его слов, хотя в сущности Палыч ничего такого и не сказал, только то, что я ему нравлюсь, и все. Нравиться может многое, в зависимости от настроения: и что-то крикливое, попугайское, экзотическое или наоборот, серенькое и скромное. В сущности, я до сих пор не могу определить, что же ему нравится в женщинах. У каждого мужчины свое виденье предмета, но в основном они созерцатели, хотя бы на первом этапе. Моя внешность не была столь безупречной, но в сочетании с молодостью и веселым нравом – это был беспрюжный вариант. Еще моя самоуверенность, как же я могла забыть, ведь именно это его и оттолкнуло от меня. Моя сила! Сколько мне раз говорили, что не встречали человека, более сильного духом, чем я. Но многие отважные смельчаки пытались бороться с этой силой. Конечно, меня не возможно обуздать, и все они знали об этом, но продолжали борьбу, пока не проиграли. Господи, а еще я считала, что мне всегда попадались слабые мужчины. А выходит, что только он один и был слабым, и когда предстояла борьба не на жизнь, а на смерть – он предпочитал исчезнуть. Я, ни сколько не осуждала его, а всегда оправдывала сложившимися обстоятельствами. Но у всех всегда обстоятельства, и они давят и многим тяжело, но надо продолжать бороться, а он бежал. Палыч еще не знал тогда, что не возможно убежать от себя, что высоты, которые ты когда-то не взял, снова встанут на твоём пути. Но всегда есть выбор: предеться преодолевать или всю жизнь бегать. Может как раз в этом преодолении и состоит счастье. Но мы тогда еще были слишком молоды, чтобы разбираться в этой философской чепухе. У нас была другая философия. Нам просто хотелось жить и быть счастливыми. И почему-то казалось, что в достижении этого счастья не должно возникнуть больших проблем.

Нам предстояло быть счастливыми 12 дней. Хотя был ли он счастлив? Что он вообще думал тогда о наших отношениях. Перечитав страницы своего дневника, касающиеся декабря 90 года я не нашла ответа на эти вопросы. Я сама виновата, я вела себя как сумасшедшая, постоянно твердила Алешке, что у нас ничего не получится, а он терпеливо и спокойно говорил: " Давай попробуем!" Я уже понимала, что безумно люблю его, и что теряю власть над ситуацией, теряю контроль над собой. Я всегда боялась потерять «власть», тем более, будучи не уверенной – любит он меня или нет. Я думаю, что я просто издергала его, измучила, а он еще даже не успел разобраться в своих чувствах – собственно, за что он мучается? Я не знала, что делать, от своего бессилия я, и сходила с ума: понимая, что влюбилась и, думая, что Алешка не любит меня, я боялась потерять другого человека, в чувствах которого была уверена. Я сама шла по линии наименьшего сопротивления и вместо того, чтобы просто любить и помочь Павлову полюбить меня, я делала все, чтобы этого не произошло. Я надеялась, потом обуздать и свои чувства – убить свою любовь, во имя спасения какой-то мифической стабильности в отношениях с Климовым. Я преступница, я убила, но только не то, что хотела. Оказалось, что самое сложное – бороться самой с собой. Моя любовь не умирала, она наоборот росла, чем больше я прикладывала усилий к ее уничтожению, тем сильнее она становилась. Моя любовь насмехалась надо мной. В этой борьбе погибло все – все сердца были разбиты, включая мое собственное. А Палыч, всегда убегая от меня – всегда возвращался ко мне, чтобы внести смя-

тение в мою душу, чтобы убить мой покой. Зачем это ему было нужно? Это какая-то жестокая игра. А может это месть, он мстит мне за то, что я не дала ему возможность стать счастливым. Он говорит, что чувствует себя виноватым передо мной. А я думаю, что он хочет, чтобы я чувствовала то же самое, чтобы я осознала, что это я виновата во всем. Я никогда и не отрицала своей вины. Я была всегда преступно слабой. Я просто обычная, заурядная женщина, которая так и не поняла, чего же она хочет на самом деле. И мало того, не дает спокойно жить другим, вытягивая в свою игру и, заставляя страдать.

Это какой-то замкнутый круг. Но тогда все было еще впереди и 12 дней счастья и много лет боли. Шел наш первый день – 10 декабря. Не даром говорят, понедельник – день тяжелый. Алешка проводил меня домой, мы еще долго стояли около лифта и целовались. Напряженно вслушиваясь, как работает лифтовой механизм и, молясь, чтобы лифт не остановился на нашем этаже. А когда лифт останавливался, и открывались двери, мы шарахались в разные стороны, будто боялись быть пойманными на месте преступления, как воры. Мне и казалось тогда, что мы воруем чье-то счастье, и я не как не могла избавиться от этой мысли. А в это время телефон в моей квартире надрывался, оглушая всех своим дребезжанием. Климов искал меня. Я знала это. И боялась того, что он может приехать. А конкурентная борьба за меня – это то, что мне было меньше всего нужно в данный момент. Я уже подсознательно ощущала, что Палыч не выносит конкуренции. Мы попрощались. Я вошла в квартиру и сняла телефонную трубку. Успокоив Серегу, что со мной ничего не случилось, я пошла спать. Все, что я помню, это – тревога, какое-то смутное, губительное ощущение опасности. Я не обманулась – на другой день, в институте Палыч вел себя так, как будто между нами ничего не произошло. Это было настолько неожиданным для меня, что я даже растерялась. Парни, как обычно крутились вокруг, меня это нисколько не трогало; я пыталась скрыть обиду – меня волновал вопрос: что же случилось – почему он так холоден со мной? Именно тогда он так легко победил. Заставил меня злиться и недоумевать. А потом Алешка вместе с Юркой вышли на «Мужества», а я поехала на «Политехническую». Я была раздавлена и не понимала за что? А чего я собственно ожидала: резкой смены поведения, каких-нибудь знаков внимания или приветливых слов. Ничего не было, совсем ничего. Я уже начала сомневаться, а был ли вчерашний день или все, только игра моего воображения...

Не знаю, насколько Мишка Майзельс был прав, сказав однажды: «Если бы Палыч, тогда начал за тобой бегать, как Климов, то ты бы его быстренько бросила».

С каждым годом я все больше уверяюсь, что мы с Палычем очень похожи друг на друга, почти как две капли воды. Он появляется тогда, когда я уже не жду, и с порога бросает что-то типа: «На кого ты меня променяла?! Я тебе больше не снюсь?!»

А я когда, иногда от скуки звоню своим бывшим друзьям, всегда начинаю с того: «Ты еще не женился?! Все меня ждешь?!» Мы как паучки и сущность наша паучья. Сплели когда-то себе крепкие сети, поймали в них чьи-то души и стали ждать. Погибнут они в наших сетях или нет. И если кто-то пытается освободиться, мы не можем просто так отпустить. И не по тому, что голодны, просто это не в наших правилах что-то терять. Пусть мы даже лопнем от переедания, все равно не ослабим путы. Так наши сети устроены, чем больше их дергать, тем сильнее они душат. И жертвам не вырваться. Они нужны нам, как «НЗ», на всякий случай, а вдруг понадобятся, и стоит только дернуть за ниточку и все в твоих руках или вернее лапах.

Мы всегда ищем лучшее, а когда не находим, то тогда и пользуем свой «НЗ».

Смешно, как я незаметно для себя стала и паучком и мухой, хотя возможно в этом и есть двойственность моей натуры: быть госпожой и рабой одновременно. Что-то здесь пахнет садомазохизмом. Ну, скорее всего люди так и живут, постоянно кем-то, командуя и кому-то подчиняясь. Жизнь – это сплошной садомазохизм! Мы черпаем силы и страдаем, унижая кого-то, и блаженно упиваемся своими собственными страданиями. Мне было жаль Климова, но я не могла не мучить его, я мстила ему за того, что не могу отпустить его, а вдруг у меня

с Палычем ничего не получилась бы, а мой «НЗ» оказался бы пуст. А он любил меня и прощал любые мои капризы и издевки. И чем больше прощал, тем сильнее меня это злило, и все более изощренными становились пытки. Я представляю, какие адовы муки переносила его душа, но оставалась чистой. У любви, у Великой любви есть потрясающее свойство – очищать души. Я виновата перед ним, но одновременно я считала его виновником в моих несчастьях: что из-за жалости к нему, я не смогла стать свободной для другого. А когда я, наконец, освободилась – время было упущено. Я вдруг обнаружила, что произошло именно то, чего я всегда боялась – я осталась одна в центре своей паутины. Как бывает иногда страшно оставаться совсем одной; я даже не могу дома сидеть в полном одиночестве – мне нужно, чтобы звонил телефон, в гости приходили друзья, играла музыка. Когда нет ощущения нужности – не зачем жить. Но всегда происходит именно то, чего больше всего боишься. Страх лишает человека сил, любой страх. Когда я заболела Палычем, все мои детские страхи вылезли наружу, я боялась всего: быть с ним, не быть с ним, любить его, его любви. Я боялась потерять его – и потеряла так быстро, и навсегда. Ненавижу слово «навсегда» – положение, когда ничего нельзя исправить, изменить, остается только быть мухой, и с каждой минутой все больше запутываться в сетях паутины. А потом только – смерть и это тоже навсегда. Да, уже 10 декабря я почувствовала, что попалась, но еще не знала, насколько прочны сети.

13 декабря – был четверг, у нас снова была физкультура. Под конец занятия нам устроили что-то типа сеанса миорелаксации. Я и еще 20 девчонок лежали на полу, задрав головы к потолку, и расслаблялись. Я помню сероватый оттенок этого потолка и мысли, которые пришли в этот момент: я невольно сравнила его с потолком в школьном спортзале во время подобных сеансов, там, на потолке были такие поперечные балки, и я всегда старалась, лечь на пол так, чтобы попасть в центр ячейки, образуемой соседними балками. Я представляла, что если потолок внезапно обрушится, то я спасусь, и чувствовала себя очень не уютно когда попадала под балку. Но потолок, в данную минуту, простирающийся надо мной, был ровный и если бы он рухнул, меня бы раздавило. Это была первая мысль. С трудом, избавившись от навязчивой идеи, я стала думать о более приятно волнующих вещах: что уже через пять минут все это закончится, мы переоденемся и пойдем, к мальчишкам, пить чай. Что же будет дальше: останемся ли мы снова с Палычем наедине или нет, и вообще как он себя поведет сегодня...

Но это будет через пять минут, а пока высокий, серый потолок плыл надо мной, как гигантская громадина, трюм какого-то большого корабля. Я чувствовала, что мой хребет прилип к его днищу, мурашки бегали по рукам и ногам, и было такое странное ощущение полета. Что-то подобное я испытала в марте этого года, когда в очередной раз, ругаясь с Климовым, я легла на снег, в сквере на проспекте Культуры. Я помню, как снежные кристаллики покалывают кожу моих голених сквозь тонкие капроновые колготки, но это только приятно успокаивает – я не чувствую ни холода, ни боли, ни страха. Я вижу, как из-под земли вырастают дома, такие голубые, чистые, летящие прямо на меня. Они крышами упираются в небо. Такое же высокое, голубое, почти прозрачное. Все начинает кружиться у меня перед глазами: дома, улица, редкие голые деревья, солнце и снег... Все расплывается как во сне, только взволнованный Сережкин голос возвращает меня к действительности. Мой снежный полет сводит нашу ссору на нет. Я поднимаюсь на ноги, но что это – кружение продолжается – надо мной серый потолок спортзала и чей-то голос объявляет, что занятие окончено...

Память очень интересная вещь, она у меня большей частью фрагментарна, как пленка, порезанная на отдельные кадры, перемешанные, перепутанные и частично утерянные безвозвратно. И поэтому, следующий кадр этого дня будет таким: мы с Палычем сидим в обнимку на его кровати, целуемся. Мишка и Ольга, как угорелые, бегают по общежитию, то звонить, то еще куда-то. Сосед Палыча по комнате, негр Делу, спит беспробудным сном, выставив ноги на середину комнаты. Кублашка влетает в комнату, и что-то в запале пытается нам рассказать. Мы, не отрываясь, друг от друга, кричим ей: "Ноги!" Но было поздно. Она, пятясь спи-

ной, натывается на Делу и, балансируя, как канатоходец, ели удерживает равновесие, при этом издает вскрик, полный ужаса и недоумения, который гасится нашим дружным хохотом... Нам не удалось сегодня остаться одним, как я мечтала, но Палыч поехал меня провожать. Все было так чудесно. Но я, по-прежнему, была скованной, мучительно подбирая темы для разговоров. Мне было с ним безумно хорошо, и невыносимо тревожно. Я знала, что скоро потеряю его, потеряю навсегда, и буду сожалеть об этом всю жизнь.

Мы приехали ко мне домой и выяснили, что наши мамы учились в ЛПМИ в одно и то же время и вероятно даже знали друг друга. Алешка нашел в мамином выпускном альбоме своих родителей, его отец тоже учился в ЛПМИ, но был на курс старше, а в альбоме просто была фотография из походной жизни института, в которой он принимал непосредственное участие. Еще чуть-чуть, поговорив о наших родителях, Палыч засобирился обратно в общагу. Он всегда торопился, так как будто боялся чего-то не успеть. А мне так не хотелось его отпускать, я не могла им наддышаться. Он заполнил всю мою жизнь, и с его уходом она останавливалась. Да, за эти 12 дней родился целый мир. Но четыре дня уже истекли, оставалось чуть больше недели.

14 декабря я сделала завивку, разоделась и пошла в институт, а после «Английского» мы с Алешкой, попрощавшись с Зуриком, направились на «Лесную», потом с «Политехнической» шли пешком по Тихорецкому проспекту, жуя батон, купленный мной для семьи. Боже, как было хорошо. Подошел троллейбус №30 и нас поглотила его теплая утроба. Мы целовались всю дорогу. Лешка сказал, что у него ко мне какое-то неопределенное чувство, а я надеялась, что он любит меня. Мы опять долго стояли у лифта и все ни как не могли проститься.

В субботу 15 декабря у Зура был День Рождения, его землячки подарили ему красные гвоздики, он бросил их к моим ногам, вместе со своим сердцем. А я не приняла, я сказала ему: – «Ты же знаешь, что я люблю Палыча!»

Мне было жаль Зурика, но я любила Алешку. Наш, внезапно возникший, союз бесил ни только Зура, но и всех остальных членов «пятерки». У каждого были на этот счет свои соображения, но как потом выяснилось – у всех были определенные планы на меня. Мальчишки недоумевали, почему я выбрала именно Палыча, а потом долго не могли простить мне нашу ссору и разрыв. Вот она нелепость человеческой природы: каждый из «пятерки» так или иначе, показал свое равнодушие ко мне, и если судьба, оставляла нас с кем-нибудь наедине, то желания их были очевидны. Но признаться, друг перед другом в своих преступных помыслах – не хватало смелости, легче было публично ненавидеть меня, чем видеть рядом со мной другого. Они все ревновали меня к Палычу, а он даже не подозревал. Я не хочу сказать, что вся «пятерка» была в меня влюблена, нет любовь здесь не при чем. Но, что мужчине нужно от женщины, хотя этому мужчине 17—18 лет, да и женщине не больше – дружба? Но, по-моему, Чехов сказал, что дружба между мужчиной и женщиной возможна только после того, как женщина была любовницей этого мужчины. Секс? Да, никто бы из них не отказался, но этого всегда мало. Секс – это сомнительная власть даже над телом. А уж, владеть моей душой – было заказано. Хотя я думаю, что все считали, что наш роман с Палычем не надолго и не всерьез. Роман, которого не было. Оставалось восемь дней.

Гвоздики я не взяла или взяла – не помню, меня даже не взволновали эти цветы...

Мы с Алешкой поехали к Белому и смотрели слайды – я помню только один, сделанный то ли в Киеве, то ли в Минске: ночь, и множество ярких разноцветных линий от трамваев и машин на черном фоне почти не существующего города. Белый что-то объяснял о технике выполнения подобных фотографий, периодически прося нас слушать, а не целоваться. В 21.00. мы ушли, я помню время так точно, потому что Палыч всегда срывался в девять вечера, чтобы проводить меня и успеть в общежитие до 23.00. Не знаю, успевал ли он когда-нибудь. На «Политехнической» я завела свою старую пластинку, о том, что судьба не позволит нам быть вместе. Я говорила:

– «Ты меня не любишь!»

– «Я стараюсь полюбить тебя», отвечал Алешка.

– «У тебя из этой глупости ничего не получится!»

А когда мы приехали на Художников то, стоя у лифта, я продолжала, и все ни как не могла остановиться. Он молча слушал, думая о чем-то своем, и вдруг перебил мои тирады, словами: «А поцеловать-то тебя можно?». Я на мгновение потеряла дар речи, он повернул меня к себе, приподнял к потолку, что моя голова, чуть не коснулась лампочки. Потом медленно опустил и поцеловал так нежно, как будто это был наш последний поцелуй. Мы еще долго целовались. Он шептал мне на ушко слова популярной тогда песенки группы «Браво»: «Мне хорошо рядом с тобой...» Как мне было тепло рядом с ним, тепло в этом мрачном зимнем подъезде. Но меня неотступно преследовала мысль, что я, принадлежащая другому человеку, и я все же ворую чужое счастье. А счастье то я действительно своровала, только у себя и у Палыча. Я всегда знала, что когда-нибудь расстанусь с Климовым, но почему-то решила, что сейчас еще слишком рано. А наличие, самого этого, выбора между двумя мужчинами нервировало меня еще больше. Я была ужасной эгоисткой и собственницей – ни как не могла понять – почему надо вообще что-то терять, почему нельзя иметь все сразу?! И интуитивно чувствуя, что нельзя – я бесилась, сходила с ума, и в эти минуты мне хотелось потерять все. Пусть все исчезнут, оставят меня в покое, пусть не будет выбора. И я не могла удержать себя, я жаждала испортить все, в еще только зарождавшихся отношениях, все погубить, только чтобы не выбирать. Потому что я боялась, что я как всегда сделаю неправильно – я выбрала бы Климова, более надежного, проверенного временем, любящего меня до самозабвения, прощающего мне все обиды и боль. Может именно в этот момент я и, не подозревая об этом, сделала свой пресловутый выбор...

Я опять начала говорить, что нам нужно расстаться. Алешка, взглянул мне в глаза, выкрикнул: «Прощай!», и бросился вниз по черной лестнице. Я замерла, мир умер в это мгновение. Я поняла, что я натворила – я потеряла его навсегда. Стены, наверное, трещали от моего рева. Первый раз я плакала об Алешке. Он так быстро убежал, он не вернется больше никогда. Медленно повернувшись к двери, я нажала кнопку звонка. Слезы текли рекой, рыдания сжимали горло... Зачем мне нужно страдать самой и мучить других, зачем? Нет, я не умею иначе. Все моя жизнь – поиск острых ощущений и упоение от душевных мук. Я предала любовь, предала в тот момент, когда начала играть ей, как котенок играет тряпичным бантиком. Конечно, я успела вытереть слезы до того, как мне открыли дверь, конечно, я прекрасно, с аппетитом поужинала (вот чего я точно никогда не теряла, так это аппетит) и спокойно легла спать. Но встала рано. Встать в 9 утра в воскресенье – для меня это нонсенс! У меня уже созрел план, как исправить ситуацию. Я знала, что парни встречаются сегодня у Белого в 11 часов, я уже собралась ехать на Полтавскую, 12 кв.17, но передумала. У меня, было, достаточно времени перехватить Палыча с Юркой в общаге. Схватив яблоко, я вылетела из дома, села на 21 троллейбус и стала думать, что же я ему скажу. Я осознавала, что слова не нужны, мне просто надо приехать и сам факт моего приезда, все разрешит без слов. Все, что я испытывала, это прилив радостного волнения – это я и называю острым ощущением. Когда мир, вокруг тебя становится таким колючим, но иголки только приятно царапают. Вопрос с выбором был не разрешен, он повис в воздухе. Мной управляло только желание увидеть его, это был зов сердца. Самый сильный зов на свете, которому не возможно сопротивляться. Меня приятно познабливало, я верила в удачу моего предприятия, но в воздухе присутствовало что-то, говорящее о том – «не расслабляйся, вдруг все пойдет не так».

Я приехала в общагу около 10.00., в холле 4 этажа наткнулась на Юрку, он велел мне оставаться на месте и пошел звать Алешку. Палыч, вынырнул из коридора. Мне показалось, что он был бледен. Он сказал, что знал, что я приеду, что пусть все идет по-старому, так, как будто вчера ничего не случилось. Я молча, кивала. Он сказал, что не может меня проводить, что мы увидимся позже, а сейчас они должны ехать к Белому, их там ждут уже Мишка с Зуром. Я неожиданно для себя спросила: «А можно мне с вами?» Не помню точно, какая реакция была

у Алешки – но только не бурный протест, потому что мы поехали все вместе к Белому, а потом «пятерка» и я пошли в кинотеатр «Художественный» на американский полубоевик, полудетектив «Ангелочек». История о современном Джеке-Потрошителе, орудующим в криминальной среде Нью-Йорка, и маленькой, милой проститутке, которая вынуждена бороться с этим маньяком-убийцей, ну конечно не в одиночку, а вместе с добрым полицейским. Почему все эти фильмы так примитивны?! Хотя, может это и здорово, что где-то есть счастливый конец. Да, если мою историю закончить прямо сейчас, она не была бы столь трагичной. Но в жизни не все так просто. В какой-то телевизионной передаче спорили о том, что было бы с Ромео и Джульеттой, если бы они остались живы. И жили бы в наше время, в нашей стране, в семьях среднего класса, с очень средним достатком. Мне всегда нравилось, как мой папа отвечал на подобные вопросы. Он говорил: «Фильма бы не было». Правильно, если бы не было какой-то интриги, трагедии или ужаса, то не было бы смысла писать книги, снимать фильмы. Ну, назовите, не долго думая, какое-нибудь лучезарное произведение, где счастливы все от начала и до конца, особенно в нашей отечественной литературе. Нет, наша загадочная русская душа не приемлет долгого счастья, а вот на вечные муки она согласна, ей не впервой. Хотя первопричина этих мук почти всегда бывает идиотской. Пойди, Ромео с Джульеттой, вовремя к своим родителям, расскажи им все, что поженились уже, что теперь радоваться надо и внуков ждать, глядишь, и померили бы всех, а «Кина» не было бы». Я это к тому, что сложись у нас тогда все иначе, я сейчас бы возможно не страдала графоманством.

В понедельник 17 декабря, я после физкультуры опять пришла к Алешке. В этот раз я была одна. В 85 комнате горел свет, я тихо постучалась и, не дожидаясь ответа, зашла внутрь. Мой Алешка спал, раскинувшись на кровати, прямо в одежде, поверх покрывала. Он лежал лицом вниз. Он был такой беззащитный. Я не стала его будить, я еще минуту смотрела на него, такого родного, такого любимого. Он устал, пусть поспит, я не стала проходить в комнату, вдруг разбужу. Притворив дверь, я пошла в 89ю, решив, что подожду у Юрки, пока Палыч проснется. Юрка был очень рад мне, мы сидели с ним на кровати, пили чай с конфетами «Старт», долго болтали, он рассказывал о своем детстве, о Сочи, о своем брате. Я удивилась, узнав, что у него есть родной брат, мне почему-то казалось, что он единственный ребенок в семье. Мне было так легко с ним общаться, не надо было мучительно подбирать слова. Через два часа нашей непринужденной беседы дверь с шумом распахнулась, чуть не сорвавшись с петель. Я невольно вздрогнула от неожиданности. На пороге стоял Палыч:

«Ты к кому пришла, ко мне или к нему?»

Юрка как-то вдруг резко побледнел, осунулся и заметался по комнате. Я была почти испугана и очень смутилась. До меня даже не дошло, что Палыч просто шутил, видно еще за дверью он, услышав наши голоса, решил обставить свое появление должным образом. Но наша реакция, скорее всего не соответствовала ожидаемой. Надо было как-то разрядить обстановку. Я продолжала сидеть на кровати и тарашить глаза. Юрка вовсе выпал из моего поля зрения. Алешка решил не усугублять сложившуюся ситуацию, сказал мне:

«Вставай, пошли!»

Я послушно, как гутаперчивая кукла, поплелась за ним. Я понимала, что мне не за что чувствовать себя виноватой, но чувствовала именно это. Мое хорошее настроение ушло, и осталась какая-то рабская покорность, готовность подчиняться любому его слову, жесту, движению. Тогда у меня впервые родился какой-то особенный страх. Говорят, что «Страх – это способность унижать и готовность унижаться». Возможно, так и есть. Его шутка, совсем не была воспринята, как шутка, а неловкое замешательство навело видно на какие-то потаенные мысли. А слова оправдания только все еще больше усложняли. Оправдываешься – значит виноват. Хотя на самом деле мы с Алешкой в скорости забыли о случившемся, но моя душа стала наполняться страхом, как ядом. Он случайно открыл какой-то невидимый кран и забыл закрыть – и вот этот яд начал убивать меня медленно, сначала почти незаметно, но потом этот

страх вырос до колоссальных размеров. Палыч – становился для меня скрытой и явной угрозой. Мой страх перед ним и моя любовь к нему составят потом такую гремучую смесь, что будь она материальной, то даже одна капля попавшая на металлический пол выела бы в нем огромную дыру за доли секунды...

А на следующий день заболел Сергей, мне пришлось к нему поехать. Палыч с Юркой должны были пойти на Кантимировскую, 26, в медпункт, делать реакцию Манту. Мы расстались с Алешкой, я сказала ему, что пойду, попытаюсь сдать биологию, а сама поехала на улицу Софьи Ковалевской. Вот и первая ложь! Первая ли? А не было ли все ложью с самого начала. Сережка обрадовался мне, как ребенок, а я думала о другом. Попав в круговорот сплошной лжи, я не боялась запутаться, я чувствовала себя здесь, как рыба в воде. Вся моя жизнь была полна лжи и любовных треугольников, все было привычно, но мерзко до жути. Я уже не была школьницей, которая ко всем жизненным перипетиям относится с легкостью. Я жалела всех и себя в первую очередь и злилась от бессилия, что нельзя ничего изменить. Я еще вечером в воскресенье, после кино с парнями, рассказала Сергею, что влюбилась в Палыча, он не поверил. И во вторник, увидев меня, он тоже не верил, не верил ни во что плохое, пока я рядом. Я была его убежищем, домом, смыслом жизни, я не могла предать. Но я уже предала его, каждой своей мыслью я предавала его. Я еще не осознавала, что играю человеческими чувствами. Однако я предполагала, что поиски одного единственного Человека, могут привести к человеческим жертвам, но не к уничтожению всего человечества, в самом деле. Я не хотела ни чьей гибели, я просто решила жить в своих параллельных мирах и получать по максимуму то, что они в состоянии мне дать.

В среду, 19 декабря мы пошли с Лешкой гулять по Невскому, купили за 1 рубль разноцветный зефир и направились в «Октябрь» на фильм «Зеленая кобра». Более отвратной кинокартины я в жизни не видела. Толпа черных туземцев носилась по экрану взад-вперед вместе с папочкой Натальи Кински, ужасным уродом. Но мне было, в сущности, все равно, что смотреть, где находится – Алешка был со мной, и это было все, что мне нужно, да еще разноцветный зефир скрасил наше пребывание в кино.

В четверг, 20 числа я вырядилась в фетровую ковбойскую шляпу и поехала на физкультуру в общагу. Водитель 21 троллейбуса пускал слюнки всю дорогу. Я выскочила на кольцо и побежала переодеваться для занятия. Девчонки отпали от моего прикида, какой-то араб пытался со мной познакомиться, но мне было не до них, я ждала конца занятий, чтобы скорее увидеть того, для которого весь этот цирк. Но Палыча не было в общаге, они играли в футбол, на другой стороне замерзшего бассейна около «Позитрона». Я увидела его еще издали, нас разделяло полотно тонкого льда. Что же делать, обходить «бассейку» и терять полчаса драгоценного времени. Не в моих это правилах что-то терять! Я пошла по льду. Шаг за шагом, на непомерно высоченных каблуках, в дурацкой шляпе, которую так и норовил сорвать ветер. Пласт тяжелого снега покрывал лед, было страшно, а вдруг я провалюсь, я, честно говоря, не люблю играть с тем, что опасно для жизни, то есть безрассудно рисковать жизнью. Но я шла, все ближе и ближе, продвигаясь к своей цели. Палыч поднял голову и узнал меня; он ударил по мячу, шутя, забил гол и громко крикнул: – «Все конец игры, за мной пришли». В толпе мелькнуло недовольное лицо Юрки. Я поднялась на гранитный барьер и утонула в объятиях своей любви... Не когда бы ни подумала, что через 12 лет он вспомнит эту шляпу, а я то уже и забыла о ее существовании, детские игры в «Д'Артаньянов» были давно позади.

В пятницу 21 декабря, мы сидели на «Английском» в обнимку, ни кого не стесняюсь. После я осталась пересдавать зачет, а Алешка меня терпеливо ждал в коридоре. Я и сейчас вижу, как он стоит, прислонясь к перилам лестницы и теребя в руках ремни своего оранжево-зеленого рюкзачка. Что-то в нем было такое милое, детское, неуловимое. Мы вышли из института, и пошли в никуда... Этим вечером Палыч ответит мне на вопрос: «Любит ли он меня?», фразой: «Куда я от тебя денусь!» Самое оригинальное признание в любви, которое я

когда-либо слышала. Но это было такое счастье, обманывать себя, что он меня любит, а может тогда, это было правдой. Он вскочил в троллейбус и уехал из нашего последнего, счастливого вечера. А я пошла, встречать Сережку, который чуть ли не столкнулся с нами, мы чудом разминулись. Он, битый час, рассказывал мне про фильм «Голубая лагуна», пока не понял, что я не слышала не единого его слова.

И вот наступила суббота, 22 декабря – наш с Алешкой последний день. На физике мы резвились, как дети: Юрка с Зуриком делали вид, что снимают эротический фильм, главными героями которого были мы с Алешкой. Забавно было бы посмотреть эту ленту. Только жаль, что пленка была воображаемой.

После занятий мы все поехали к Белому пить пиво, и есть снетков (такая мелкая, вонючая рыбешка). Сначала все было хорошо, а потом мы перепились. Сквозь пьяный угар, я вижу, как Мишка и Зурик, валяясь на диване, тянут ко мне свои похотливые ручки. Глаза слезятся от едкого табачного дыма, висящего смогом в комнате. Белый притаился где-то у меня за спиной, я его не вижу. Палыча нет в комнате, он вышел и оставил меня одну, без защиты. Юрка сидел на стуле у окна, он, кажется, совсем не был пьян, он схватил меня за локоть, притянул к себе на колени. Его глаза, такие голубые и откровенные, кажется, кричали: " Иди ко мне, я спасу тебя от остальных, со мной тебе нечего бояться. Я же лучший друг Палыча, как я могу обидеть его девушку». Я всегда знала, что можно ожидать от Мишки с Зуриком, тем более от пьяных, когда все корковые барьеры сметены. Правда, никто бы из них не решился на групповое изнасилование, но кто знает, что на уме у пьяных подростков. Хотя, честно, такое мне и в голову тогда не могло прийти, я настолько всегда доверяла людям, тем более близким мне людям, ведь они уже были для меня как братья. Но они были парнями, а я красивой девчонкой, к тому же тоже ели стоящей на ногах и туго соображающей, после выпитого спиртного. Но даже моя подкорка оберегала меня – нельзя было попадаться в их лапки. А Юрка был лучшим другом моего Алешки и, уж от него то я меньше всего ожидала подвоха. Нельзя доверять лучшим друзьям – они обманут в первую очередь.

Он сильно прижал меня к себе, о сопротивлении можно было даже не думать, мое тело было ватным. Он нашел своими губами мой раскрытый ротик, пытающийся что-то сказать, и закрыл его страстным поцелуем. Я онемела, он крепко сжимал меня в объятьях, продолжая целовать. Я не знаю сколько прошло времени, минута, две или целая вечность. Помню привкус мандарина на его губах и ужас, сковавший все мои чресла. Ни кто не видел, как отворилась дверь, как улыбка сползла с Алешкиных губ. Что он чувствовал, стоя в темном прямоугольнике двери, ведущей в комнату залитую светом, дымом, запахом пива и рыбы. Что он чувствовал, когда увидел, как его девушка целуется с его лучшим другом. Может – боль, может – пустоту. Может, его мир рухнул, а может, он ничего не чувствовал. Юрка первый заметил Палыча, его руки разжались, отомкнулись железные тиски. Я рванулась. Алешка, спокойно сказал:

«Пойдем, выйдем, надо поговорить».

Я вылетела за ним в коридор, моя голова была тяжелой и пустой. Я уже ни чего не соображала, мне просто хотелось плакать. Я зашла в туалет, но ни как не могла закрыть защелку, и через некоторое время он вошел вслед за мной. Я повисла на нем, пьяные слезы градом катились по щекам. Я говорила, как люблю его, умоляла меня не бросать, клялась в чем-то, причитала, ругалась. Наш разговор продлился около часа, потом мы перешли в ванную. Смена диспозиции – плохой помощник в разборках. Потому что при смене окружающей обстановки – оборонительная позиция может смениться наступательной. Так и произошло, единственное, что я помню, что пока мы были в туалете, Алешка меня даже утешал, говорил, что, если я буду продолжать, то он тоже заплачет. А в ванной он сказал, что никогда меня не любил. Эти слова вспыхнули у меня на сердце, врезались в мою память. Я взвыла, как раненый зверь, и затихла.

Нас позвал Белый, сказал, что кончайте разбираться, пора уходить, уже 21.00. Мы вышли на улицу, пошли к метро. Я шла и пела на всю улицу: «И уносят меня, и уносят меня в зве-

нящую, снежную даль...» Пела с таким отчаяньем и какой-то пьяной бравадой. В холле станции метро Палыч с Юркой вдруг исчезли. Белый сказал мне, что они уже уехали, и не пустил меня, броситься вдогонку. Я чувствовала, что здесь что-то не то: каким образом, Белый мог узнать, ждут ли они нас внизу или нет. Но я ни только доверяла, я еще и верила людям – как легко я обманывалась тогда. Хотя, вряд ли что-нибудь поменялось, если бы я догнала их внизу. Уже много лет спустя, Палыч говорил, что они долго ждали нас на станции, а ни кто так и не появился. Я сомневаюсь, что это правда, думаю, что Юрка его обработал так же, как меня Белый. Мостовой уговорил меня идти пешком, да и в принципе, когда я поверила в то, что Палыч меня бросил, я махнула рукой и сказала: – «Идем!» Куда подевались Мишка и Зурик – мне было все равно, их тоже не было, но меня это отнюдь не огорчило. Нас оставалось трое: я, Белый и Лешка Брежнев, друг Мостового (они вместе снимали комнату на Полтавской), он присоединился к нам, как раз перед самым нашим выходом на улицу. Мы пошли по заснеженным переулкам от метро «Площадь Восстания» до «Лесной». Я плакала, а Белый бережно вытирал мне слезы, говорил, что все пройдет, надо все вычеркнуть и забыть. У меня вдруг мелькнула мысль, что все, что произошло за последних три часа похоже на заговор. Только кто был его идейным руководителем, кто направлял руку карающего рока. Кому так мешала наша любовь? Юрке, Белому, а может самому Алексею Васильевичу Павлову. Не может быть, слишком сложна и витиевата комбинация избавления от одной маленькой, влюбленной дурочки. К чему такие сложности. Все – просто нелепое стечение обстоятельств. Правда, я много раз убеждалась, что в жизни нет ничего случайного, все – закономерно. Просто должно было случиться то, что случилось. И это только мой бурный темперамент и не умение пить. Я обвинила себя и успокоилась. Мысль, как внезапно появилось. Так внезапно и потухла. Но все-таки ощущение, что я тогда попала в чью-то засаду, не покидает меня до сих пор, когда я вспоминаю декабрь 1990 года. Какая сейчас разница – было все это подстроено или получилось само собой. Одного из главных героев той трагической субботы уже больше 10 лет нет на этом свете. Неужели судьба так жестоко наказала его за тот один единственный поцелуй, с запахом мандарина и хмеля. Но этот поцелуй сломал мою жизнь, а может быть ни только мою. Может, он изменил ход истории – всего один поцелуй в далеком снежном декабре. Он уничтожил 12 дней счастья и подарил день ужаса, месяц ужаса, годы страданий...

Да, этот день был переломным в моей судьбе. Единственный день, в который я не хотела бы вернуться...

Что для меня был этот день когда-то,
Что для меня сегодня этот день,
Одна из дат, из времени изъятых,
Что я могу еще сказать о ней,
Одна из дат, ни в чем не виноватых,
Давным-давно прошедших декаблей...

Проходя мимо нашего института, около полуночи, мы встретили девчонок из 126 группы, они шли с зачета по биологии. Да, были у нас такие маразматические преподаватели, которые «мариновали» студентов сутками в стенах института. Мы дошли до «Лесной». Мне очень хотелось поехать в общагу, на ночную дискотеку. Моя душа требовала «продолжения банкета». Честно говоря, мне хотелось найти Алешку, и просить у него прощения, пока не простит. Но Белый резонно возразил, что я пьяна, что мне пора домой, и что потом будет куча возможностей выяснить отношения. Я послушалась. О, если бы я поступила по-своему, приехала бы в общагу, нашла бы его, осталась бы с ним... Ольга Друженкова потом рассказывала мне, что тем вечером, вернувшись в общежитие, Палыч пошел на дискотеку, и вел себя, по крайней

мере, не адекватно. Ольга сказала, что можно было подумать, что он или в стельку пьян, или убит горем. И я, стерва была всему виной. Я одна, Юрка здесь не при чем. Хотя, кто знает?

Три года спустя, уже после Юркиной смерти; 2 июня 1993 года Никитка Рябчиков, еще один представитель нашей группы, но, только, начиная со второго семестра 1 курса, говорил мне:

– «Иллонка, ты не представляешь, как Юрка тебя любил! Он умер с твоим именем на устах! Вы с Палычем никогда не будете счастливы, между вами всегда будет стоять Юрка!»

Я тогда восприняла эти слова, как жестокую шутку. При всем моем хорошем отношении к Нику, я посчитала, что он не имел права так шутить. А это вовсе не было шуткой, все было настолько очевидным, но я была слепа. Когда Юрка был жив, я даже мысли такой не допускала, что он может испытывать ко мне что-то более существенное, чем все остальные. Я никогда не ловила на себе его взгляда, украдкой брошенного в мою сторону. На все его выпады я просто не обращала внимания. Все мои мысли были заняты Палычем, и для меня никто больше не существовал. Я даже забыла об одной тенденции, что лучшие друзья моих парней рано или поздно, но со стопроцентной гарантией влюблялись в меня. И Юрка не был исключением, но я, как-то упустила это из виду. Да, после нашей ссоры с Алешкой и моих бесплодных поисков примирения, мне как-то пришла в голову мысль «влюбить» в себя Юрку, и тем самым подбросить к Палычу, как можно ближе. А о Юркиных чувствах, я даже не думала, я бы их легко принесла в жертву своим желаниям, я даже попыталась притворить этот план в жизнь.

Я помню, как Юрка пошел провожать меня на Кантимировскую, 26; с каким восхищением он на меня смотрел, а я по простоте душевной, попросила его помирить нас с Палычем. Я решила, что утомительно будет разыгрывать влюбленность к Юрке, тем более он так легко повелся на меня. Я же даже не представляла, что он давно любит меня.

Юрка, вспыхнул, как свечка, его глаза загорелись такой яростью:

«Это все для чего я тебе был нужен?!»

«Да. Я хочу, чтобы ты помог мне, я безумно люблю Палыча, сделай что-нибудь»

«Я тебе в этом не помощник!», с такой болью в голосе произнес Юрка, но я ничего не заметила. Не заметила, как он побледнел, как сжались его губы.

Мы стояли на перекрестке с улицей Харченко, и тут я увидела своего старинного приятеля и соседа по лестничной клетке (ведь «Лесная» мои родные «пенаты», я прожила здесь больше 13 лет). Я повернулась и стала с ним болтать, а на Юрку перестала обращать внимание. Раз не хочет мне помочь – свободен сразу!

Он, вскинул вверх свою синюю сумку, она тяжело упала ему на спину, что чуть не хрустнули грудные позвонки. Я краем глаза наблюдала, как он быстро пошел к метро, он практически бежал. Мне было невдомек, за что он обиделся на меня, но силу его обиды я почувствовала тогда, и чувствовала, как она переполняет его, до самой его смерти.

Палыч, совсем недавно в феврале 2002 года, спросил меня:

«Почему никто из наших девчонок не любил Юрку? Ведь он был красивый»

«Он был злой», – ответила я.

За злость я принимала именно его боль и обиду. Со стороны казалось, что он не выносит меня, да и я привыкла так думать, а когда пришлось отойти от стереотипов, и взглянуть с другой точки зрения, то есть увидеть все, от чего я пыталась отмахнуться. В глубине души я давно знала о его любви, но мне почему-то было страшно даже думать об этом. Возможно потому, что сила этой любви, была за пределами моего понимания, и я никогда не смогла бы ответить ему взаимностью. Эх, Юрка, Юрка! Все в этом мире нелепо, ты встал между мной и Палычем, борясь за свою мечту, в угоду своей страсти. А что вышло, две разбитые вдребезги судьбы и одна страшная смерть.

Юрочка действительно был очень красивым. Стройный, высокий, с правильными чертами лица, с очень бледной, почти прозрачной кожей. У него были голубые-голубые, как южное

море, миндалевидные глаза; тонкие, чувственные губы и светло-русые, цвета зрелого пшеничного поля, волосы. Казалось, в них прячется солнце...

Твои глаза, как голубое море,
Как летняя истома южной ночи,
Я до сих пор не побывала в Сочи,
Где знал ты много радости и горя.

Ты соткан был из солнечных лучей,
Ты лета ждал и не дождался, вот,
Тех дней, которые желанья горячеей...
Будь, проклята зима и Новый год!

Пусть годы теперь катятся, как дни,
Но каждый раз, прощаясь с декабрем,
В тот миг, когда останемся одни,
Тебя мы добрым словом помянем. 03.06.92.

Забавно. Посмотрев на дату, когда было написано данное стихотворение, я изумилась. Не она ли стоит перед заглавием этого романа. 10 лет прошло, 10 долгих лет. А если вернуться в июнь 1992 года, к моменту написания этого стихотворения, ровно через 10 дней я встречу человека, который будет сказочно похож на Юрку, но все по порядку.

Шел конец декабря 1990 года. Мне так и не удалось объясниться с Палычем. Я не могла даже улучшить момент, чтобы остаться с ним наедине, Юрка, как цербер, везде его сопровождал. Парни, при виде меня презрительно фыркали или бросали злые шуточки в мой адрес. Я была на грани безумия, но я не привыкла отступать. Раз все плохо, должно быть еще хуже. И я старалась еще больше накалить и до того раскаленную атмосферу, так, чтобы чертям стало тошно. Как, говориться – меня выставляли в дверь, я лезла в окно. Например, 29 декабря я притащилась в общагу со своим школьным товарищем Сергеем Цыбиным и, оставив его у Ольги Друженковой в 63 комнате, я пошла к нашим мальчишкам. На мне было красивейшее, серебристое платье, с глубоким кружевным декольте и черный пояс с гигантской железной бабочкой. Я выглядела, как принцесса и могла свести с ума кого угодно, но только не этих двух, давно уже свихнувшихся от меня, парней: Юрку и Палыча. Глубокий, дружный стон встретил мое появление. Я просидела в 85 комнате около двух часов, мучая мальчишек, своим тягостным присутствием. При виде Алешки, я, конечно же, забыла, что меня ждет внизу друг, и что надо идти на дискотеку. Меня ни сколько не смущало, что Юрка вертелся рядом, я просто воспринимала его, как вынужденную необходимость. И подобные ситуации, с моими неожиданными вторжениями на их территорию будут повторяться неоднократно за последующие пять месяцев. Все мои походы в «гости» в 85 и 89 комнаты третьего общежития по проспекту Морриса Тореза, 39 мало, чем будут отличаться друг от друга, поэтому не вижу смысла описывать их в данном повествовании. Остановлюсь только на самых ярких моментах.

И вот, незаметно подкрался Новый 1991 год. Самый серый Новый год в моей жизни. Я встречала его у Климова, он сделал так, чтобы мы остались вдвоем. Первоначально, мы собирались идти к друзьям, но Серега передумал. Я откровенно скучала и даже не скрывала этого, а наоборот всячески выказывала свое недовольство и разочарование.

Утром мы фотографировались. Кстати, на фотографиях я выгляжу вполне довольной жизнью или собой. Недавно просмотрев страницы своего дневника за 1990 год, я пришла к выводу, что я практически всегда оставалась довольной жизнью, при любых обстоятельствах, мотивируя тем, «что все, что не делается – к лучшему». До этого декабря череда моих корот-

ких и длинных романов, сменяющих друг дружку, а чаще, развивающихся параллельно не так больно задевали меня. Если они кончались, я просто констатировала смерть, и жила дальше в свое удовольствие. Подумаешь, горе какое – умерла любовь! Похоронить и забыть! Нет, возможно, я лукавлю, любовь Алексея Павлова – первая, которую мне предстояло похоронить. Я никогда так и не смирилась с мыслью о том, что этой любви вообще не существовало, что она погибла, не успев родиться. А я, с таким усердием занималась ее похоронами, как вдруг поняла, что не могу, не хочу, чтобы ее не стало. Мне нужна была его любовь! Но его «неопределенное ко мне чувство», ценой моих нечеловеческих усилий, переросло в совершенно определенную неприязнь. Ненавидел ли он меня, думаю, нет. Просто он не знал, как себя вести дальше. Алешка еще никогда не попадал в круговорот таких «глобальных страстей». Я, ощущая, себя с ним маленькой девочкой, наивной и беспомощной, совершенно не учитывала, что он то, как раз и был – маленьким мальчиком, сущим ребенком. Куда уж мне было это понять, я считала себя настолько умудренной опытом, к своим 18 годам, что и от своих сверстников требовала соответствия. А они были детьми. Злыми, кровожадными детьми, которые не прощают обид. Я же, со снисходительностью взрослой женщины, допускала такую агрессивность в их поведении. Я считала, что это возраст безжалостного юношеского максимализма и, что это скоро пройдет. Пройдет с годами, как все проходит. Но одновременно мне хотелось, чтобы они оставались детьми и особенно Палыч. Я любила в нем ребенка, с тонкими руками и хрупкими пальцами. Вечно взъерошенного малыша, такого неуклюжего и собранного, одновременно. С маленькими, цепкими черными глазками, которые смотрели из-под лобья так, как будто пытались добраться до самых сокровенных уголков твоей души. Они унижали, раздавливали, приводили в трепет. Но чаще он просто не смотрел в глаза собеседника, не любил, уже потом, повзрослев, он перестал прятать свой взгляд. Эти глазки-угольки я обожала больше всего. А еще губы, такие тонкие, мягкие. И непослушные волосы, и шею, и плечи, и все, все, что принадлежало ему, и так и не стало моим. Нет, я не в кой мере не желала обыденного телесного обладания, это было бы слишком примитивно. Я хотела большего, я хотела владеть его душой, как он владеет моей. Я мечтала о взаимности, о разделенности чувств. Разделяй и властвуй! Вечное кредо. Штатпы, штатпы, одни дешевые штатпы. Да, я хотела власти над ним. Власти над всем миром! «Наполеон хренов» – так я себя иногда величала.

Бег времени не умолим и, дело постепенно катилось к весне. Позади остался, удачно сданный всеми, наш первый экзамен по химии. Уже забылся трудный выход на сессию. Промчался январь, заканчивался февраль. Я написала Алешке стихи, первые стихи для него – 16 февраля. Ольга Кубланова передала ему их на гистологии, сама я не решилась. Он остался один в полутемной, узкой учебной комнате. Его внимательные глаза бегали по строчкам, а я с замиранием сердца, следила за процессом чтения моих перлов, через полуоткрытую дверь. Дочитав до конца, он спрятал листок и... Закончился перерыв, все вернулись обратно в комнату, к своим занятиям. Алешка ничего мне не сказал. Ничего. Это был вторник – 19 февраля.

21 февраля 1991 года. Четверг. Утро. Лыжная база в Шувалово. Палыч имел какой-то разряд по лыжам и поэтому, когда начался второй семестр и, физкультуру нам заменили лыжами, он почувствовал себя, в своей тарелке. Я тоже обожала ходить на лыжах, особенно, когда на финише меня ждал его одобрительный взгляд. Но сегодня Алешки нигде не было. Хрустящий снег под моими полозьями вдавливался в накатанную лыжню. Но ни скорость, ни обжигающий морозом, ветер, заставляющий краснеть мои щеки – ничто не радовало, не приносило удовлетворения. Где он? Почему его нет? Но снежная лыжня оставалась пустой и безмолвной. Она таила от меня его следы.

В магазине в Шувалово я купила пять бутылок «Жигулевского» и две бутылки лимонада. О, по тем временам достать бутылочное пиво было редкой удачей. Я пешком добралась до Выборгского шоссе, а дальше трамваем до дома. Времени оставалось в обрез – надо было собираться на английский. Я из ванной крикнула Вике, своей любимой, младшенькой сест-

ренке, чтобы она открыла бутылку лимонада. Но... Пока я тащила свой драгоценный груз, все плохо приклеенные, почти одинаковые, маленькие этикетки отвалились и, согласно теории вероятности, в данной выборке, Вика, естественно открыла пиво. Ну, не пропадать же добру – я выпила бутылку почти залпом и помчалась в институт. Выглядела я великолепно: синяя плюшевая юбка, с воланом, натянутая чуть ли не на шею (иначе ее просто нельзя было носить, она была мне невозможно велика. Да, одежду по размеру я научусь покупать значительно позднее), Викин красный свитер и мои новые, кооперативные сапожки гармошкой. Я так подробно останавливаюсь на описании своего гардероба, только потому, что, часто вещи, которые я одевала, задавали определенный тон моего поведения, в диапазоне от женщины-вамп до простой деревенской пастушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.